

ВНЕВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ИММАНИЛА КАНТА В ЭССЕ «ОТВЕТ НА ВОПРОС: ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ?»

Воробьева А.Е.

*Воробьева Арина Евгеньевна — студент бакалавриата,
направление подготовки: искусство и гуманитарные науки, факультет свободных искусств и наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в статье анализируется содержание эссе Иммануила Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», рассматриваются концептуальные понятия разума, просвещения, публики, публичного использования разума, частного использования разума. Основные тезисы эссе иллюстрируются и сопоставляются с текстами будущих эпох авторства А.С. Пушкина, Б.Л. Пастернака, И.А. Бродского.

Ключевые слова: Кант, Бродский, Пастернак, Вацуро, Пушкин, просвещение, разум, кантианство, публика, поэзия, частное использование разума, публичное использование разума.

Просвещенческий проект был затеян в XVII веке, но он не завершился до сих пор, мы являемся его адептами, наследниками. Философия эпохи просвещения представляет собою простую идею — человек обладает разумом. Причем «разум» для этой эпохи — то слово, которое однозначно пишется с большой буквы, потому что влияние и сила разума были исключительно велики. Предназначение разума — сделать жизнь человека совершеннее. А для этого нужно построить жизнь в соответствии с законами разума. Кольцевой принцип. «Разумность» (как антоним к «страстям») рассматривалась просветителями как универсальное средство совершенствования общества. Прогресс просвещения воспринимался ими как постепенное проникновение европейской цивилизации во все регионы мира. Но как сделать жизнь неразумных людей разумными, как сделать, чтобы царство разума — хорошо организованного, внутренне не противоречивого и потому прекрасного будущего — реализовалось как можно скорее?

Чтобы доказать, что с XVII века вплоть до современности, перемахнув несколько столетий, проект Просвещения все еще находится в «стадии разработки и внедрения», мне нужно заняться поиском мотивов проекта Просвещения (в частности, в кантовской версии, опирающейся на понятия «публики», «публичного использования разума», «частного использования разума» — перечисленные термины будут подробнее раскрыты мной в ходе эссе, однако, важно отметить, что проект Просвещения будет обозреваться мной преимущественно с точки зрения кантовской теории) в текстах последующих эпох.

Уже в XVIII веке мы находим попытки определения основного характера просвещения, самой яркой из которых становится уже упомянутое эссе Канта 1784 года «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Кант формулирует, что просвещение есть выход из состояния несовершеннолетия¹, в котором человек находится по собственной воле, выход этот в свою очередь есть пользование собственным разумом публично, а необходимое условие такого пользования есть свобода мысли, которая, по мнению Канта, заложена в каждого человека природой. Просвещение, объясняет Кант, не есть замена одних догматических идей иными догматическими идеями, а самостоятельное мышление. В этом смысле Кант противопоставил просвещению мнимо синонимичное просветительство и заявил, что это просто свобода использовать свой собственный интеллект.

На этом мне следует сделать важную пометку на полях и условиться с читателем, что даже взяв за основу текст Канта, я рассмотрю Просвещение не как единство абстрактных идей, превозносящих «естественный свет разума» (терминология Рене Декарта) и не как исторический период, а как социокультурное явление, предзаданное появлением в обществе таких категорий, как публика (как отдельная социальная группа) и публичное (общественное) мнение. В рамках эссе Кантом была предложена концепция публичного и частного пользования разумом. По Канту, публичное использование разума преследует цель просвещения других людей, а частное — цель выполнить свою работу, службу, призвание. Частное мышление должно быть ограничено публичными интересами: оно не должно мешать покою общества, мирному положению дел и выполнению возложенных на человека общественных функций². Но вне общественной деятельности человек вправе мыслить свободно, осуждать или хвалить свою привычную деятельность, и только с помощью разума возможно избавиться от догм, установленных книгами, врачами, опекунами, и в большей степени религией и монархией, которые способны думать за человека. Эта антитеза оказала влияние на ход общественных процессов как в эпоху Просвещения, так в последующие этапы развития русской культуры, российского Просвещения вплоть до Иосифа Бродского. Чтобы доказать этот тезис, я приведу три произведения разных (весьма

¹ Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Собрание сочинений в 8 томах. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 28-29

² Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Собрание сочинений в 8 томах. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 31

отдаленных друг от друга) эпох, сквозь которые смотрят на нас как ни в чем не бывало черты кантовской концепции Просвещения.

Стихотворение Пушкина «К вельможе» посвящено знатному человеку Екатерининской эпохи князю Юсупову, владельцу колоссальных земельных богатств. Адресат стихотворения после первой его публикации был узнан мгновенно, что повлекло за собой порядочную журнальную полемику, уместившуюся в интервал 1830-1831, которую литературовед Вацура определяет как спор «о литературной аристократии»³. Эта полемика, дающая контекст стихотворению «К вельможе» освещает спор гораздо более глубокого толка — о положении писателя в обществе, о борьбе слова художника и «торговой» словесности. В этом смысле стихотворение Пушкина приобретает мотив апологии или манифеста в период формирования буржуазного крыла литературы и журналистики в лице издательств «Московского телеграфа» и «Северной пчелы». Контекст, расшифрованный для нас Вацуро, приоткрывает культурную специфику раннего российского Просвещения, рождение кантовской «публики». Есть все основания рассматривать написание и публикацию стихотворения «К вельможе» как определенный жест, совершаемый Пушкиным в публичной сфере своего времени, пример публичного использования разума. Послание «К вельможе» в ста строках заключает целый микромир, карту намеков, иносказаний и аллюзий, полносвое публичное высказывание, и Пушкина сместило, когда читатель воспринимал смысл стихотворения буквально. Пушкин высказывается против превращения литературы, в частности, поэтического слова в продукт массового потребления. Пушкин, обращаясь к образу Юсупова, который, очевидно, в данном случае приобретает обобщенный характер, заканчивает послание «К вельможе» замечательной истиной, которая становится характеристикой всей уходящей дворянской культуры, громкой репликой Пушкина в ходе истории, среди «шума времени» (выражение Осипа Мандельштама).

*«...Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный...»⁴*

Но есть еще один герой, ощутивший неловкость частного человека на сцене истории, вложивший классическое наследие Просвещения в тридцать минут взволнованной, слегка сбивчивой, но сакраментальной и немного надрывной Нобелевской речи.

Намеренно или спонтанно, Бродский однажды в интервью почти повторил ключевое требование Канта «иметь мужество пользоваться собственным умом»⁵: «...Но когда какой-то местный Яхве говорит мне, что нельзя по-настоящему возлюбить бога Авраама и Исаака, но только Иисуса, я отвечаю: „Чушь собачья!“ Как будто духовные дела — не моего ума дело! А меня как раз заботит метафизический потенциал человека»⁶. И это требование должно бы исключать ситуацию, изложенную Кантом, когда удобно быть несовершеннолетним-непросвещенным, «если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою»⁷. Однако, начиная поиск мотивов проекта Просвещения (уточним: по кантовской версии) внутри Нобелевской речи Бродского, нам нужно оговориться, что мерилом эстетических взглядов Бродского всегда неизменно оставалась книга, то есть литература, как мировые весы, мировая мудрость и единственное, чему можно довериться, с кем беседа «более надежна, чем с приятелем или возлюбленной»⁸. Этот момент — одно из противоречий между теорией Канта и мыслями Бродского. Но его перевешивает (или заглушает) фундаментальный аргумент Бродского в Нобелевской речи: Бродский называет себя принципиально «частным человеком, и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитающим» (Там же. С. 5). Упоминание даже термина «частность» должно стать для нас триггером сопоставления позиций Бродского и Канта. Определение «частного» в ходе речи расширяется, все больше указывая на его собирательное значение, в целом ставящее знак равенства между писателем вообще и частным человеком. Подтвердим эту мысль фрагментом: «Политическая система [...] есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему (а зачастую и будущему), и человек, чья профессия язык, — последний, кто может позволить себе позабыть об этом» (Там же. С. 8). Для Бродского литература XX века и тоталитарные политические проекты-режимы должны стоять отдельно, не соприкасаясь.

³ Вацура, В. Э. Пушкинская пора. — СПб.: Академический проект, 2000 С. 185

⁴ Пушкин А. С. Послание к вельможе / Собрание сочинений в трех томах. М.: Гос. издательство худ. литературы, 1957. Т. 1. С. 284

⁵ Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Собрание сочинений в 8 томах. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29

⁶ Бродский, И. Большая книга интервью. Изд. второе, исправленное и дополненное издание. М.: Захаров, 2000. С. 511

⁷ Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Собрание сочинений в 8 томах. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29

⁸ Бродский, И. Нобелевская речь / Сочинения Иосифа Бродского. — СПб.: Пушкинский фонд и Третья волна, 1992 С. 11

Переведем на язык Канта: писатель в большей степени чем остальные обязан пользоваться своим умом и быть достаточно смелым, чтобы делать это самостоятельно, потому что наиболее подвержен влиянию опекунов, норовящих оставить писателя несовершеннолетним. Выходит, что Бродский рассматривает свой статус частного человека как публичную гражданскую и политическую задачу: быть писателем значит мыслить свободно, без преследования и притеснения государством, ведь только писатель может дать просвещение людям, буквально читателям. В пирамиде ценностей Бродского читатель занимает место сразу после книг — это весьма желанный собеседник, разговор с которым через страницы всегда будет частным, исключаяющим всех остальных, как интимный и честный взаимотворческий акт, потому что «роман или стихотворение есть продукт взаимного одиночества писателя и читателя» (Там же. С. 11).

Я не претендую на правильность интерпретации Нобелевской речи, и могу лишь предполагать, что веду свое сопоставление Бродского и Канта адекватно, оправдаюсь тем, что я не встречала более путающих слов, чем пара «частный» и «публичный». Для Бродского само искусство учит частности человеческого существования, порождает собственные, неповторимые переживания, вслед за которыми появляется личность. В этом основное согласие позиции Бродского и Канта — личность свободная, совершеннолетняя может родиться, когда будут отброшены common understanding и оглушение опекунов. А частная (совершеннолетняя) личность для Бродского гораздо важнее всего человечества: людей в массе он не любит, а личностей в своей частности — весьма.

Немного отойдем от содержания Нобелевской речи: в литературе, а в русской тем более, всегда стоял вопрос о том, должна ли литература быть в ответе за моральный порядок в обществе, и где тот разумный предел этичности и политичности литературы и искусства. Бродский убежден, что писателю чувство нравственного долга не позволяет сбросить нравственный, висящий как дамоклов меч, закон. Писатель несет ответственность за состояние окружающего мира и публики, и в этом (по Канту) — его частное использование разума. Но мы должны признать, что Бродский, создавая свои произведения, менее всего думал о воспитании нравственных чувств общества и следовании гражданскому долгу. Человеческая личность в своей частности не прогрессировала за века, следуя мыслям Бродского. Для него человек древности более целен, уникален, полон, чем современный человек, который в большей степени вылеплен цивилизацией, государством, прогрессом и всем тем, что достигается сообща, а не самостоятельно: «Античности присущ прямой — без посредников — взгляд на мир: взгляд, никакой оптикой не вооруженный, когда единственная призма, в которой мир преломляется, — ваш собственный хрусталик...»⁹. Под посредником Бродского подразумевает кантовских опекунов-лжепросветителей, в том числе государство. Искусство поэзии всегда будет стоять выше посредников и оптических приборов, искажающих реальность. По Бродскому эстетика — первична («Ибо эстетика — мать этики»¹⁰), то есть чувство прекрасного заложено в человеке изначально, с младенчества, а этические, нравственные принципы наслаиваются поверх первоначальной эстетики.

Чтобы вспомнить еще одного художника, считавшего эстетику, а именно способность чувствовать и понимать поэзию естественной функцией человеческого организма, нам придется отмотать хронос на полвека вспять.

Мне не удалось (и никому не удалось, официальная отчетная стенограмма была урезана) найти полной речи Бориса Пастернака на Международном конгрессе писателей в Париже в 1935 году, поэтому я приведу нужную цитату целиком в силу её компактности. Речь Пастернака — одна из легенд конгресса. Мы вынуждены обходиться только отрывочными воспоминаниями мемуаристов и единственным сохранившимся фрагментом (сколько-нибудь достоверным, ведь он был составлен Николаем Тихоновым и Мариной Цветаевой из отрывочных пастернаковских слов). «Поэзия всегда останется той, превыше всяких Альп прославленной высотой, которая валяется в траве, под ногами, так что надо нагнуться, чтобы её увидеть и подобрать с земли; она всегда будет проще того, чтобы её можно было обсуждать на собраниях; она навсегда останется органической функцией человека, переполненного блаженным даром разумной речи; и таким образом, чем больше будет счастья на земле, тем легче будет быть художником»¹¹. По записям мемуаристов, речь Пастернака на конгрессе была едва подготовлена, включала только пару слов о поэзии и наспех переведенные на французский несколько стихотворений. Горячий, восторженный прием зала впервые дал Пастернаку понять, какое место отводят его гению в современной литературе.

Эта поездка во Францию изменила многое для Пастернака. В сущности, публика верила ему последнее слово о завтрашнем дне литературы и искусства, его приветствовали как пророка, как демиурга. Застенчивому, конфузливому, робкому Пастернаку, конечно, за овациями послышалось

⁹ Бродский, И. Сегодня — это вчера / Книга интервью. Составитель Вера Полухина. М.: Захаров, 2005. С. 246-248

¹⁰ Бродский, И. Нобелевская речь / Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд и Третья волна, 1992 С. 9

¹¹ Иванова, Н. Борис Пастернак. Времена жизни / М.: Время, 2007 Раздел 22.

противоположное — укор европейцев. Он потому был задет за самый нерв, что был уверен: ничего еще для вечности им сделано не было, в никуда уходила жизнь, он не растет как художник, а только обсуждает и заключает тактические соглашения с большевистским режимом. Ведь правда: все двадцать лет от революции 1917 года до середины тридцатых Пастернак обманывал себя и жил по чужим правилам, десять лет с 1935 года по 1945 год (и в этом немалое влияние случившегося на Международном конгрессе писателей) ушло на ментальную подготовку к главной книге его жизни, еще десять лет до 1955 года — на её создание, а последние пять лет аккуратно до смерти — на её защиту. И это искреннее, простосердечное, но глубокое выражение «блаженный дар разумной речи» роднит его, как ни странно, именно с Кантом.

Разобравшись в синтаксисе приведенной цитаты, понимаем такую закономерность: разумная речь — единственный инструмент, необходимый для того, чтобы понимать и писать поэзию. А значит, в авангарде мысли Пастернака стоит как раз радио, как раз совершеннолетие, как раз публичное пользование разумом. Кроме того, в некоторых источниках сохранился текст пересказа мыслей Пастернака о конгрессе английскому философу и дипломату Исаяе Берлину: там в паре строк раскрыта фраза «поэзия будет проще того, чтобы обсуждать ее на собраниях». Пастернак твердил, что любая организация — смерть искусства. Раскрывая эти слова, можно понять, что для него была важна лишь личная независимость, и как только художники сообща, подстраивая произведения под нужды общества, высказываются всей гурьбой в защиту или против чего-либо, ими правит частное применение разума. Парадоксально проводить такие сравнения, но эта связь мне не мерещится.

Можно сказать, что просвещенческий проект планировался как задача к исполнению, нечто прикладное и досконально прописанное. У него даже начала появляться научная основа, как в случае, например, с Сен-Симоном, изучавшим законы развития общества. Проект Просвещения долгое время считали чуть ли не единственным светлым пятном во всей истории философии до XVIII века. С другой стороны, просвещенческий проект обвиняли в том, что из-за последовательной рационализации, из-за сведения всего духовного содержания к разуму, мы обедняем свой внутренний мир и превращаемся в машину в облики человека. Мне остается лишь гадать, были ли убедительными мои попытки увековечить просвещенческий проект, подобрав для него примеры из разных эпох, прямо или косвенно отражающие суть кантовской версии Просвещения. Я убеждена в одном: мы до сих пор являемся преемниками и учениками требований Канта. Что-то подсказывает мне: в нашем арсенале на данный момент хранится очень маленькое количество совершеннолетних фигур прошлого.

Список литературы

1. *Кант, И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Собрание сочинений в 8 томах. М.: Чоро, 1994. Т. 8.
2. *Вацууро, В.Э.* Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000
3. *Пушкин А.С.* Послание к вельможе / Собрание сочинений в трех томах. М.: Гос. издательство худ. литературы, 1957. Т. 1.
4. *Бродский, И.* Большая книга интервью. Изд. второе, исправленное и дополненное издание. М.: Захаров, 2000.
5. *Бродский, И.* Нобелевская речь / Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд и Третья волна, 1992
6. *Бродский, И.* Сегодня – это вчера / Книга интервью. Составитель Вера Полухина. М.: Захаров, 2005.
7. *Иванова, Н.* Борис Пастернак. Времена жизни / М.: Время, 2007.